

ПОКУШЕНИЕ НА ПЕРВУЮ ПОПРАВКУ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА¹

Пол Х. Рубин²

Можно радикально изменить смысл Конституции, не меняя в ней ни единого слова. Так произошло с пунктом об изъятиях частной собственности Пятой Поправки к Конституции (Epstein 1985, Rowley 1992) и Пунктом о Контрактах. Слова в обоих из этих пунктах остаются в Конституции неизменными. Но юридическая сила обоих положений резко уменьшилась по сравнению с периодом до принятия соответствующих судебных решений. Вообще, Верховный Суд в последние годы интерпретировал Конституцию в соответствии господствующими среди американских правоведов тенденциями (Farber и Frickey 1991: гл. 3; Horwitz 1992). В результате, большинство специалистов по конституционному праву не обращают внимание на то, что Конституция получила новую радикально измененную интерпретацию. [\[1\]](#)

Итак, суды уже существенно изменили интерпретацию Конституции с тем, чтобы ослабить защиту экономических прав и свобод. Задача ученых, заинтересованных в конституционной защите свободы, - изучить историю проблемы и попытаться определить - какие силы заинтересованы в известных нам изменениях конституции. Хотя и ранее имели место резкие изменения конституционного права (например, 1937 "Switch in Time" – *беспрецедентное изменение позиции Верховного суда в отношении защиты прав частной собственности и свободы предпринимательства сделанное под давлением угроз Рузвельта накачать в Верховный суд своих людей* – Прим. переводчика), детальная разработка таких изменений и вытекающих из них положений требует некоторого

---

¹ *Примечание переводчика:* Теория общественного выбора – раздел экономической теории посвященный изучению проблем коллективного принятия решений о расходовании средств на производство так называемых «общественных благ» (оборона, безопасность, правосудие и правовой порядок и др.). Основные положения теории исходят из приоритета индивидуальных интересов и выведения коллективных интересов как взаимодействия личных с учетом издержек коллективных действий. Исходя из этих последних теория объясняет как небольшим группам (группам специальных интересов) зачастую удается проводить решения, в которых большинство не заинтересовано или даже явно противоречащие интересам большинства. Такое происходит тогда, когда издержки каждого члена общества на предотвращение принятия невыгодного для себя решения выше, чем предотвращаемые потери от такого решения. Участие в группе специальных интересов соответственно имеет смысл тогда, когда выигрыш потенциального члена группы, получаемый в следствии принятия решения, превышает издержки по проведению решения в жизнь.

² Автор – профессор университета Эмори, статья опубликовано в Cato Journal (14 выпуск, часть 1 за 1994 год)- одном из ведущих научных изданий классического либерализма (традиция от Локка до Хайека – ничего общего с современным политическим «либерализмом» - стыдливой формой социалистической идеологии - не имеет – прим. переводчика).

времени. Это связано с особым положением, которое конституционная юриспруденция занимает в структуре обычного права. Так, для принятия решений юристам необходимо разъяснить значения изменений в интерпретации. Например, даже теперь правовые последствия невозможности реализации контракта в контексте ответственности за произведенное изделие все еще находятся в стадии развития (1993 Rubin).

Сегодня мы наблюдаем еще одно фундаментальное изменение в Конституции. Существенные аспекты правовой защиты свободы слова гарантированные Первой Поправкой подвергаются мощному давлению. [2] Это наступление следует рассмотреть в двух аспектах – позитивном и нормативном. Как ученые мы можем наблюдать процесс ревизии конституционного порядка, чтобы лучше понять движущие силы, стоящие за этими изменениями. Особенно интересно выявить, какие направления атаки на конституцию оказываются успешными, а какие нет. Это означает необходимость осуществления сравнительного анализа. Однако как современникам, и как ученым с непопулярными (или политически некорректными [3]) взглядами нам было бы интересно дать также и нормативную оценку определенных изменений, свидетелями которых мы являемся.

В следующей части статьи, я обозначу некоторых из участников сражения групп специальных интересов вокруг академической свободы. За ней последует основанный на теории групп специальных интересов анализ стимулов атак на первую поправку. Затем я опишу процесс, ведущий к введению цензуры на микроуровне. Последнее важно, поскольку раскрывает механизм с помощью которого размываются явные и прямые конституционные запреты («Конгресс не должен принимать законы, ... ограничивающие свободу слова»).

Вызов Академической свободе

Несколько авторитетных ученых задокументировали продвижение к политической корректности в университетских кампусах (например, D'Souza 1991; Schlesinger 1992; Rauch 1993). [4] Этот вызов свободе слова получил наибольшее внимание, но он же был и наименее успешным. Например, в двух случаях Верховный Суд признал незаконными кодексы речи в государственных университетах.

На самом деле, те же силы, которые привлекли столько внимания к политической корректности, привели и к относительной неудаче в ее распространении в данном случае.

Нападения на свободу слова в университетах затрагивают экономические интересы профессуры и академических работников. Неудивительно, что те из них, чьи интересы оказались под угрозой дали решительный бой в защиту своих прав. Их усилия включали в себя стандартные методы групп специальных интересов. В рамках организации этой борьбы была сформирована Национальная Ассоциация Ученых. Среди участников судебных процессов следует упомянуть также Центр защиты Индивидуальных Прав в Вашингтоне. Судебный процесс с их участием привел к отмене двух законов штатов, ограничивавших свободу высказываний в университетских городках. Когда Ассоциация Колледжей и Школ штатов Среднего

Запада бросила вызов некоторым университетам из-за отсутствия в них "интеллектуального разнообразия", лоббисты оказались способны убедить Отдел Образования в администрации Буша изменить эту политику[5]. Академические работники и их союзники придали широкую огласку своим усилиям что существенно содействовало их успеху (Magee, Brock, and Young 1989).

Все же, некоторые университеты самостоятельно пробовали ограничивать свободу слова студентов. В ряде случаев в университетах проводится политика, при которой академическая свобода для профессоров защищается, но ограничивается свобода слова студентов (Lange 1990). Студенческий интерес в отношении свободы высказываний - прежде всего интерес потребления (*получения максимума полезной информации, знаний и навыков на воженный доллар – прим. переводчика*). Наличие или отсутствие такой свободы не изменяет текущий доход студента. Студенты находятся в особенно уязвимом положении как группа интереса; кроме того, студенты проводят в университете всего лишь по несколько лет. Поэтому объективно они мало заинтересованы делать долгосрочные инвестиции в изменение правил. Таким образом, ситуация при которой удается защитить свободу слова и для студентов, как правило, является побочным продуктом удачной защиты этого права, которой добился факультет по инициативе преподавателей.

Группы специальных Интересов и Первая Поправка

Кто они - участники игры вокруг свободы слова? Противники свободы слова находят поддержку среди части профессуры и других интеллектуалов - тех, кто традиционно выступает в пользу политической корректности. Они опираются на организации по защите «гражданских прав³», включая представителей и чернокожих и женщин. Защитники свободы слова включают, прежде всего, тех

---

³ *Примечание переводчика:* «Гражданские права» - фактически противоположность фундаментальным правам человека (таким, как право на жизнь и неприкосновенность личности, включая личности с «неприятными» взглядами и мыслями – свободу мысли и совести, и личность, позволяющую себе неприятные и даже политически некорректные высказывания – свободу слова, а также частную собственность). Во-первых, они обесценивают само понятие «права человека», размывая общественное внимание от случаев незаконного преследования, убийств, лишения собственности и т.п. на полуанекдотические случаи вроде «изнасилования по калифорнийски». Во-вторых, навязывание таких «прав» подрывает принцип равенства перед законом. В-третьих, они ограничивают, как показывает П.Рубин свободу слова. Наконец, в условиях ограниченной способности государства (точнее лиц, наделенных полномочиями принимать основные решения) более или менее эффективно управлять теми или иными процессами раздувание функций, связанных с таким вмешательством резко снижает эффективность государства в защите базовых прав. Оно также способствует раздуванию полномочий государства, что, как известно, повышает вероятность угрозы базовым (то есть настоящим) правам человека со стороны государства.

Содержательно эти нормы резонно было бы называть «гражданскими привилегиями», поскольку все они сводимы к идее права некоторого ограниченного круга лиц (пусть даже весьма широкого) на получение дополнительных благ – при доступе к образованию, рабочим местам или получению возможности получать те или иные пособия из бюджета. Можно говорить о праве на свободный труд и предпринимательство (на легальный заработок). Но сложно говорить о праве на «кормушку». Даже если речь идет о людях заведомо заслуженных или находящихся в положении столь бедственном, что помощь общества (каковую частные общественные организации, кстати, обеспечивают лучше государства) им действительно необходимо. Но и в этом случае речь может идти только о привилегии. Об уместной и необходимой привилегии, но не о праве.

профессоров, чьи представления были бы подвергнуты цензуре, если политическая корректность стала бы обязательным правилом в университетах, а также некоторых представителей в средствах массовой информации.

Атаки некоторых профессоров на свободу высказывания других выглядят на первый взгляд необъяснимыми. Так как научное обсуждение в принципе построено на основе дебатов, споров, то, казалось бы, что интересы ученых состоят в защите возможности свободного обсуждения. Кроме того, участник дебатов становится более ценным, когда он имеет противника. Таким образом, защита свободы слова, на первый взгляд, соответствует интересам (в том числе и в экономическом) всех ученых. Это представление, которое получило поддержку не только в экономической теории (в частности, в теории общественного выбора) но и закреплено Первой Поправкой. Таким образом, наблюдаемая популярность политической корректности в университетах и кампусах – феномен достойный удивления.

Джонатан Масей (Jonathan Macey, 1992) доказывает, что политические деятели заинтересованы в свободе политических высказываний, потому что это увеличивает их доходы через формирование дополнительных групп интересов, которые обеспечивают увеличение пожертвований на политические кампании. Ричард Познер (1992: 621) предлагает интерпретацию Первой Поправки, как "формы защитного законодательства поддерживаемого коалицией групп специальных интересов, состоящей из интеллектуалов, издателей, журналистов, памфлетистов, и других, кто получают денежный и неденежный доход из публикаций и юридической защиты" (см. также Posner 1987: 7). Фред Макчесней (1988) указывает, что число интеллектуалов, которые получили бы прибыль от регулирования, всегда меньше числа тех, кто потеряли бы от него. Поэтому традиционно интеллектуалы выступали против установления ограничений на свободу слова. Рональд Коуз (1974: 390) пишет, что спрос на продукт интеллектуального труда растет, если имеет место открытое соревнование между отличающимися школами: "Публика обычно больше заинтересовывается борьбой между правдой, и неправдой, чем получением готовой правды непосредственно".

Альберт Бретон и Рональд Уайнтрауб (Albert Breton and Ronald Wintrobe, 1992) признают, что некоторые ученые могут иметь стимул усиленно защищать парадигму, в которой они работают, но они также указывают, что для такой защиты используются главным образом косвенные методы – взаимные упоминания и ссылки (или отсутствие таковых), а также процессы торгов вокруг сроков пребывания на должностях. При этом органы «внешнего управления» (попечительские советы университетов) а также грантодатели контролируют и ограничивают подобные проявления. Кроме того, они утверждают, что сам естественный интерес ученых так или иначе ограничивает подобные тенденции.

Принятие этого допущения противоречит наблюдаемому факту. А именно тому, что одно из направлений происходящих на наших глазах атак на Первую Поправку и на свободу слова возглавляется частью ученых и интеллектуалов и что устанавливаемые ограничения, налагаемые в результате их деятельности, на свободу слова плохо согласуются с теоретической схемой Бретона (Breton) и Уайнтрауба (Wintrobe). Наличие групп профессоров, которые по собственной

инициативе стремятся ограничить «производство идей» - аномалия в теории групп специальных интересов. Кроме того, «либеральная» профессура имеет набор союзников в нападении на свободу слова. Это организации в защиту «гражданских прав», включая членов женского движения, также связано с попытками к сокращению свободы слова. В обсуждении этих различных интересов и их взаимодействий я использую инструментарий теории общественного выбора.

Лидеры групп за «Гражданские права»

Факт которой должен стать отправной точкой нашего анализа состоит в том то, что юридические запреты расовой и сексуальной дискриминации не привели к результатам равного распределения рабочих мест. Даже при том, что дискриминация незаконна и энергично атакована и частными истцами и правительственными агентствами. Женщины и представители некоторых меньшинств все еще зарабатывают в среднем меньше, чем белые мужчины, и занимают менее привлекательные рабочие места. Наш анализ начинается с этого экономического факта.

Доминирующее представление состоит в том, что эти постоянные различия происходят из-за некоторой остаточной дискриминации, которую законы о гражданских правах оказались неспособны вырвать с корнем. Эта оценка - основание для Акта о Гражданских правах 1991, который вводит специальное понятие "несоизмеримое воздействие" в методах занятости. Несоизмеримое воздействие (практика которого анализировалась, к примеру, Р.Эпштейном - Richard Epstein 1992), как считают, происходит, когда некоторая практика занятости приводит к различиям в занятости для определенной расы или пола, и предприниматель не может доказывать, что различия обусловлены "добросовестными оценками профессиональной квалификации" [6].

Если допущение о том, что все профессиональные различия проявляются из-за дискриминации, неверно (как это убедительно показывал Томас Соуелл, см. например, - Thomas Sowell, 1994), тогда весь свод современного законодательства о гражданских правах в отношении профессиональных различий построен на неверных предположениях. И эти законы являются экономическим содержанием конфликта, проявляющегося в интеллектуальных дебатах.

Академические работники

Лево-либеральное мировоззрение имеет два основных столпа.

Первый – марксистская теория классово́й борьбы, и второй – предположение о том, что все или почти все различия между людьми обусловлены факторами формирующего человека окружения (общества, среды в которой он живет и т.п.); генетические элементы не могут иметь никакого влияния. Обе эти позиции не являются ни достаточно обоснованными, ни интеллектуально устойчивыми. Однако, целое поколение ученых составляло и развивало свой человеческий капитал на этих идеях, вкладывая ресурсы в развитие этих идей. Так, чтобы, если бы эти идеи были дискредитированы и отброшены, человеческий капитал многих ученых существенно обесценился бы.

Такое снижение ценности человеческого капитала - не является чем-то из ряда вон выходящим. Согласно Томасу Куну (1970), это случается всякий раз при

смене научных парадигм в той или иной науки. Положение «либеральных» гуманитариев может быть куда худшим, чем в случае обычного ученого, столкнувшегося с нормальным изменением парадигмы, потому что вызов носит для них фундаментальный характер. Большинство изменений парадигмы оставляет некоторую место в течение некоторого времени для практикующих врачей или юристов устаревшей парадигмы; они могут, например, быть способны преподавать новичкам и сохранять часть их человеческого капитала. Действительно, в некоторых случаях новая парадигма даже оставляет существующую парадигму неизменной в некоторых областях: кейнсианская экономика не устранил классическую ценовую теорию, и эйнштейновская физика не заменяла ньютоновскую механику для многих физических исследований. Таким образом, либеральные гуманитарии могут иметь более сильный стимул, чем большинство других интеллектуалов, чтобы защищать свою парадигму, потому что замена была бы более фундаментальна чем, бывало в таких случаях для других дисциплин.

Также возможно, что усилия по защите парадигмы оправданы потому, что эти ученые имеют сторонников вне науки. Что делает успех обороны более вероятным. Как будет замечено ниже, оба столпа либерального мировоззрения, Марксистский взгляд на мир и историю и теория обусловленности всех проблем индивида проблемами общества необходимы для защиты действующих законов по «защите гражданских прав». Поэтому организации в защиту «гражданских прав» имеют общие интересы с некоторой частью академического сообщества; действительно, в некоторых случаях научные работники возглавляют различные общественные группы вне академической среды. Таким образом, защита провалившихся научных парадигм опирается на внешние силы и может защищаться более энергично чем, обычно бывает в таких ситуациях. Бретон и Уайнтрауб (Breton and Wintrobe, 1992), приводя схожие рассуждения, показывают, что когда внешний рынок для академических и научных идей расширяется, стимулы для ограничения и «саморегулирования» научных идей, слабеют.

Марксизм как Первый Столп Либерального Гуманизма. Марксистская теория основана на понятии классовых интересов. В классическом Марксизме, предприниматели или капиталисты эксплуатируют рабочих и находятся с ними в принципиально неразрешимом конфликте. В сегодняшней версии, белые мужчины принципиально заинтересованы в том, чтобы эксплуатировать женщин и чернокожих. Ключевое допущение этой теории - то, что члены класса действуют согласованно и заодно с тем, чтобы защищать интересы своего класса. Это восприятие отличается от господствующего экономического представления о том, что индивидуумы действуют исходя из собственного интереса, которые, зачастую, находятся в противоречии с их предполагаемыми интересами как членов класса.

Сговор предпринимателей, направленный на то, чтобы действовать как расисты или женофобы приобретал бы форму неявного соглашения, о согласованной недоплате членам эксплуатируемого класса по сравнению с платой за аналогичную работу другим лицам.

Но любой предприниматель, кто нарушал бы такое тайное соглашение и нанимал бы дополнительных женщин, или чернокожих зарабатывал бы на этом немалые деньги, потому что он мог получить больше дешевых рабочих (*ср. с*

наймом евреями арабов в Израиле и негров – погромщиков в США – прим. переводчика). Стремление других предпринимателей заработать на том же привело бы к тому, что все предприниматели, стремящиеся увеличить прибыль обратились бы к использованию той же стратегии. Растущий спрос толкал бы вверх зарплату «эксплуатируемого класса» до тех пор, пока не устранил бы остатки расизма или дискриминации по полу. Марксистская теория предложила бы, что такой сговор будет возможен. Основные течения современной экономической мысли указывают, что это поведение противоречит нормальному (направленному на максимизацию собственной полезности) поведению.

Законы Джима Кроу или незаконные террористические группы типа Ку-Клукс-клана могут приводить к проявлениям расистской политики, но в отсутствии таких сил, любые остаточные профессиональные различия не могут быть объяснены дискриминацией со стороны предпринимателей. Различия в доходе должны быть из-за различий в производительности. Дискриминация клиентами или другими служащими могут отчасти объяснить эту разницу в производительности (Becker 1971).

Клиенты могли бы не желать иметь дело с служащими – представителями определенных меньшинств, или служащие могли бы требовать премию (страховой взнос), чтобы работать с членами групп меньшинства. Если бы такие предпочтения существовали, капиталисты не были бы в них виноваты и вряд ли получили бы особую прибыль от этой дискриминации. А значит, они не могли бы нести моральную ответственность за нее. Действительно, капиталисты предпочли бы, чтобы дискриминация не существовала, потому что прибыль, по крайней мере, в краткосрочном периоде, была бы увеличена, если бы ограничения на наем рабочих – представителей меньшинств были смягчены.

В некотором смысле странно, как академический марксизм столь долго сохраняет поддержку среди ученых - гуманитариев. Маркс был экономист. Экономисты (если не считать нескольких политизированных радикалов) отбросили его идеи много лет назад. Выживание марксизма и его различных французских вариантов - структуралистских модификаций как интеллектуально уважаемого течения подобно существованию теории литературной или исторической критики, основанной на других устаревших научных идеях, типа астрологии или френологии.

Хотя марксизм продержался некоторое время после утраты своих позиций в экономической науке в результате атак экономистов, игра для него теперь закончена. Никто, сегодня, наблюдая за развитием событий в мире, не может серьезно рассматривать марксистские идеи как сколько-нибудь достойные внимания. Марксизм прошел проверку в ходе наиболее масштабного эксперимента, когда-либо выполняемого в социальных науках, и этот эксперимент в итоге завершился с падением советской империи. Бретон и Уайнтрауб (1992) показывают, что, там где прямое экспериментальное испытание гипотез и идей возможно, соревнование между ними устранил те, которые при проверке показали наихудшие результаты. Защитники марксистских идей, или методов в литературной или исторической науке, основанной на этих идеях, могут выживать только объявив вне закона любой интеллектуальный вызов их убеждениям и

верованиям. Но это как раз то, что и пытаются сделать, используя понятие "политическая корректность". Это происходит постольку, поскольку марксистская концепция классовых интересов обеспечивает полезное подкрепление "политически корректным" гипотезам о том, что профессиональные различия между мужчинами и женщинами или между чернокожими и белыми являются исключительно результатом дискриминации, таким образом, сколачивая союз между защитниками современной культуры гражданских прав и академических леваков.

*Детерминизм влияния общества и окружения как Вторая опора
Либерального гуманитарного учения*

Вера в то, что все различия между индивидуумами предопределены обществом, в котором они живут, окружающей их средой – вторая опора либерального учения. Эта вера особенно важна для феминисток. Если были учитываемые экономически врожденные различия между мужчинами и женщинами существовали, то различия в доходе могли быть объяснены иными факторами, нежели сознательная дискриминация или принудительная социализация (*т.е., скажем, злокозненное приучение девочек к роли матери и хозяйки дома а не сенатора, ученого-экспериментатора или генерала, а мальчиков к роли отца, воина, работника – прим. переводчика*). Например, если бы существовали врожденные различия между желанием и способностью мужчин и женщин тратить время на воспитание детей, то женский уменьшенный доход, вызванный их меньшей способностью тратить время на работе, не являлся бы результатом дискриминации или принудительной социализации.

Гипотеза о том, что нет никаких врожденных различий между людьми, была интеллектуально сомнительна по крайней мере с 1975 г., когда Эдвард Уилсон издал свою монументальную «Социобиологию» (*Sociobiology*). Действительно, эта гипотеза никогда не была основана ни на каком сколько-нибудь надежном научном обосновании (см. Degler 1991). В то время как «либеральные» гуманитарии и феминистки защищали идеи, основанные на отрицании каких либо врожденных отличий, психологи и другие ученые, изучающие поведение, проводили исследование, посвященные изучению эволюционного характера и природы человеческого поведения. [7].

Социобиологи не исследовали различия между расами (возможно частично из-за враждебности, с которой такое исследование было бы принято). Но, как бы там ни было, не существует интеллектуально respectable, надежного эмпирического исследования, подтверждающего идею отсутствия поведенческих различий между мужчинами и женщинами или доказывающего, что они есть плод исключительно процессов принудительной социализации или культурного влияния.

Этот итог научной деятельности иллюстрирует интеллектуальную бедность современных феминистских исследовательских центров (*к примеру, многочисленных так наз. Women studies centers – прим. переводчика*). Это также противоречит представлению о том, что все профессиональные различия между мужчинами и женщинами вызваны дискриминацией.

«Либеральная» академическая общественность приняла этот вызов социобиологии. Идеи Вилсона и даже сам Вилсон стали объектом агрессивных атак. Марксистские биологи напали на биологические теории человеческого поведения (Lewontin, Rose, Kamin 1984). Некоторые даже утверждали, что способность человека говорить имеет недарвинистскую природу, о чем писали Стивен Пинкер и Пауль Блум (1992). [8] Действительно, наблюдается наступление левых широким фронтом – как в науке так и за ее рамками (Gross and Levitt 1994). Однако, несмотря на эти нападения, ученые продолжают свои исследование в рамках эволюционной парадигмы. По политическим причинам, однако, ученые не пытаются делать выводы из результатов этих исследований в отношении человека. Большинство же «либеральных» гуманитариев просто игнорирует науку.

Аналогична и поучительна ситуация с дискуссией вокруг индекса интеллекта (IQ). Марк Снайдерман и Стэнли Ротман (1988) сравнили представления экспертов (прежде всего ученых - психологов) с господствующими представлениями средств информации по проблемам, касающимся IQ. Они обнаружили, что взгляды экспертов существенно и значительно отличаются от представлений, обсужденных в средствах информации, которые представляют главным образом стандартную точку зрения либерального истеблишмента. Эксперты продолжают вести свои исследования, но в то же самое время, кажется, стараются избежать вовлечения в публичные дискуссии.

Со своей стороны, отметим, что если существуют расовые различия, выявляемые в ходе выполнения тестов, а результаты тестов коррелируют со способностью выполнять задания на работе, правовой инструмент «несоизмеримого воздействия» будет неэффективен, независимо от того, что является источником этих различий - наследственность или культурная среда (общество). Заявления о том, что такие отличия носят скорее культурный (или иной, связанный с влиянием общества и близкого окружения) характер – отвлекающий маневр, так как источник различий в производительности не интересует предпринимателя. Даже если используемые методики тестов "культурно смещены" различия будут все равно связаны с производительностью, так как выполнение любой работы также культурно детерминировано (*например, наличием в культуре представления о пользе и достоинстве любого оплачиваемого труда или наличия представления о том, что благородный господин в принципе не может работать - прим. переводчика*).

Как указывают Снайдерман и Ротман (Rothman, 1988: 108-10), тест может точно измерять различия в интеллекте между группами, где различия - не вовсе не обязательно вызваны фактором наследственности. Не объясняя причину отличий, тест достаточно точно предсказывает возможность будущих успехов в школе или на работе[9]. Но если верно утверждение о том, что выявляемые IQ тестом различия между группами носят общественно – культурный, а не расовый характер, то «мультикультуралистское» образование (*направленное на сохранение и развитие культурных особенностей национальных и расовых групп, объявляемых самостоятельной ценностью независимо от уровня культуры народа; левыми либералами и сторонниками политической корректности подчеркивается несравнимость культур и самооценности каждой из них – прим. переводчика*)

только увеличит отставание «слабых» групп. Ведь получается, что это отставание действительно вызвано теми самыми охраняемыми культурными особенностями.

Коалиция

Итак, мировоззрение «либеральных» ученых, особенно в гуманитарных науках, состоит в том, что все профессиональные различия являются проявлением дискриминации, а не каких-либо врожденных различий среди индивидуумов. Это представление оспорено стандартной немарксистской неоклассической экономикой и современными биологическими теориями поведения. Если бы сегодня было возможно свободное соревнование идей, такое мировоззрение, столкнувшись с экспериментальным опровержением и набором соответствующих теоретических контр-доводов обанкротилось бы, что привело бы к дискредитации интеллектуального обоснования законодательства «о гражданских правах».

При демократии, трудно, а долгосрочно даже невозможно проводить политику, которая испытывает недостаток сколько-нибудь приемлемого интеллектуального оправдания. [10], если самые основы научной работы исследователей леволиберального направления оказываются ущербными резонно ожидать падения их доходов. Если бы интеллектуальное обоснование для текущей политики в сфере гражданских прав было бы признано дефектным стало бы сложнее проводить такую политику. Поэтому, академические либералы и их союзники предпочитают избегать свободных дебатов, потому что им действительно есть что терять. В этом состоит общий интерес таких ученых и «гражданско - правовых» активистов, основанный и у тех и у других на личном интересе участников групп.

Я не предполагаю существования какого-либо глубокого заговора со стороны участников. Каждый участник процесса действует в исходя из своих собственных интересов и, что вполне вероятно, также и исходя из собственных убеждений. И действует в этом последнем смысле вполне искренне. его или ее интерес и вероятно даже после его или ее собственные искренние веры. Просто интересы и убеждения многих независимых агентов совпадают, так что эти агенты формируют неявные союзы, чтобы продвинуть специфическую повестку дня. Повестка дня может быть чрезвычайно вредна, но поводы ее защитников не обязательно должны быть особенно зловещими.

Самая большая угроза для этой коалиции - свобода слова, которая в случае со свободой высказывания ученых оказалась защищена в соответствии с Первой Поправкой. В некоторых случаях (делах), Первая Поправка пока держалась. Так, Верховный Суд оспорил кодексы речи в некоторых государственных университетах потому, что эти кодексы нарушают Первую Поправку. Однако, в частных университетах эта защита действует слабее, и многие приняли кодексы речи, которые явно нарушили Первую Поправку. Это не противоречит закону, поскольку подобный кодекс принят негосударственным органом управления такого университета. В то время как эти кодексы декларируют приверженность защите академической свободы, линия между запрещенным и разрешенным в соответствии с ними тонка, и многие ученые запуганы той интеллектуальной обстановкой, которая сложилась в их университетах.

Помечая любых людей, несогласных с ними как расистов или женофобов, сторонники либеральной парадигмы способны защищать свои позиции. Несогласие расценивается не просто как проявление интеллектуального отличия, особенности. Оно квалифицируется как индикатор низких моральных качеств оппонента. Из-за теоретической слабости парадигмы этот аргумент имеет особый вес. Честолюбивые ученые напали бы на парадигму, если она не была защищена броней «этического обоснования». [11]. Такая «переквалификация» интеллектуального спора в моральный может использоваться как универсальный метод нападения на оппонентов. Маккартизм действовал также, обвиняя определенные убеждения не только неправильными и дезориентирующими общество, но предательскими (что, как показывает нынешняя практика преследования «либеральными» политиками своих оппонентов и безоглядная приверженность их предшественников самым экзотическим тоталитарным идеям не было столь уж далеким от истины утверждением – прим. переводчика).

Свобода высказываний на рабочем месте

Если представленная выше гипотеза наступления на свободу слова правильна, то должны быть другие вызовы свободе слова в дополнение к вызовам в академической среде. Действительно, таковые имеют место. Свобода слова также была атакована и на неакадемических рабочих местах. Причем, этот вызов свободе слова был гораздо хуже описан, но при этом оказался куда более успешен (Browne 1991). По существу, правительство устранило большинство средств защиты свободы слова в рабочем месте. С точки зрения теории общественного выбора вовсе не удивительно, что профессора добились большего успеха, чем другие рабочие в защите их прав на свободу высказывания. Для них свобода слова – это не просто экономическое благо, это средство существования. Для других работников, реально дискутируемые проявления свободы слова (например, право наклеивать фотографии красоток в шкафчике или рассказывать "грязные" шутки на работе) – просто некое потребительское благо. Даже политические заявления вроде: "Женщине место дома и они не должны работать здесь" – попытка ублажения приятным для некоторых избирателей тезисом, имеющим потребительскую, а не инструментальную ценность.

Теория общественного выбора предсказывает и объясняет почему защитники экономических интересов и прав (*фактически, как и в случае с «гражданскими правами» речь идет о привилегиях тех или иных групп прим. Переводчика*), имеют куда большие шансы на успех в политике, чем защитники прав потребителей. Кроме того, вероятно, что профессора выше ценят свободу слова и как потребительское благо. Собственно, более высокая значимость слова, информации – это один из критериев, в соответствии с которым люди выбирают карьеру академического работника, а не какую-либо иную.

Процесс, приведший к ограничению свободы слова на большинстве рабочих мест интересен тем, что он демонстрирует методы, с помощью которых часто и успешно ниспровергается то, что, кажется, весьма ясно зафиксировано как конституционное право. В то время как защита свободы высказывания в науке более или менее сохранилась, ситуация на большинстве рабочих мест для ненаучной общественности совершенно иная. Здесь были полностью ограничены

гарантии первой поправки относительно свободы высказываний, которые суды квалифицируют как расистские или сексистские. Организации в защиту «гражданских прав» ведут атаки на такую свободу, по изложенным выше причинам. Если бы было позволено (в частности работникам) свободно обсуждать расовые или сексуальные различия в производительности, то обоснование действующего законодательства по «гражданским правам» стало бы выглядеть сомнительным. Таким образом, активность по ограничению свободы высказываний на рабочих местах имеет экономическую мотивацию.

Для подрыва действенности Первой Поправки использовано своеобразное юридическое ухищрение. Акт о Гражданских правах 1964 г. не затрагивает свободу высказываний и не упоминает никаких «домогательств». Так что Конгресс непосредственно не принял закон, нарушающий первую Поправку. Конечно, Первая Поправка не относится полностью к частным предпринимателям. Частный предприниматель мог односторонне вводить ограничения свободы слова в своей фирме, если правительство допускает это, и частные предприниматели обычно вводят подобные ограничения по многим причинам. Никто, к примеру, не обвинил бы предпринимателя, уволившего служащего, который заявил бы, что товары, произведенные предпринимателем - дрянь. [\[12\]](#)

Комиссия по равным возможностям при найме (ЕЕОС) может издавать правила, которыми, по ее мнению должен руководствоваться при предпринимательском управлении своей фирмой. Частный предприниматель может принимать эти правила с тем, чтобы не осложнять отношения с ЕЕОС. В результате ЕЕОС, - порождение Конгресса (и таким образом, вероятно, подпадает под запрет Первой Поправки) может неявно принуждать предпринимателей, подвергать цензуре речь служащих. Если предприниматель не желает нести судебную ответственность или издержки за своего служащего, который позволяет себе запрещенные высказывания, Первая Поправка фактически не будет защищать такого работника. Служащий, которого обязывает ограничивать свободу высказываний внутрифирменная дисциплина может быть наказан предпринимателем, и не имеет формальных оснований предъявить иск ЕЕОС.

Большинство людей нашло бы что-нибудь лично неприятное в высказываниях, запрещенных кодексами речи рабочего места. Предприниматели не имеют никакого стимула вести тяжбы в защиту прав рабочего с тем, чтобы он мог позволить себе расистские или «женофобские» высказывания или просто повесить фотографии красоток в свой шкафчик. Предприниматели, которые могут стать объектом давления в связи с «неподобающими» высказываниями своих служащих, вероятно, будут применять, весьма расширительное толкование ограничений. Поскольку их выигрыш разрешения такого рода высказываний невелик а издержки могут оказаться большими. Таким образом, фактически цензурироваться могут даже те высказывания, которые не были бы признаны предосудительными в суде.

Итак, изыщество решения заключается в том, что Конгресс не принимал никакого закона, непосредственно ограничивающего свободу высказываний. Акт о Гражданских правах не упоминает ни о каких видах домогательств. Тем не менее, суды и ЕЕОС определили, что «домогательства» являются формой дискриминации. Первоначально, это применило к требованию близости в

благодарность за предоставление работы или содействие получению таковой или за содействие продвижению по службе. Но закон был расширен, чтобы включить "создание враждебной обстановки" как форму преследования. «Враждебная обстановка», определено материалами ЕЕОС включает давление посредством "устного или физического поведения"; устное поведение интерпретируется судами как определенные высказывания. Если предприниматель поместил во внутреннем информационном бюллетене компании, высказывание: "Мы полагаем, что женщины не подходят для выполнения некоторых видов работ, но мы вынуждены нанять их из-за закона ", эта речь была бы вероятно найдена предосудительной и указывающей на создание враждебной обстановки. Соответственно она была бы расценена как форма преследования. Если бы какой-либо служащий продекларировал те же взгляды на рабочем месте, это также «создало бы враждебную обстановку».

Проблема враждебной обстановки редко разбиралась в судах. Действительно, с 1990 года, никто не пытался воспользоваться защитой Первой поправки (Lange: 120, п. 93) хотя первое дело такого рода было рассмотрено еще в 1971 (Lange: 122). Кроме того, суды время от времени указывали, что Первая Поправка не действует в таких делах (см. Brown: 482). Хотя в большинстве дел фигурировали те или иные действия в дополнение к «неправильным» высказываниям, создающие «враждебную обстановку». Только в 1991 в одном деле единственным «составом преступления» были проблемы связанные только со свободой высказывания (эмблемы, календари, и шутки) и при этом в деле не фигурировали какие-либо физические домогательства или предложения сексуального характера (дело описывается в работе Brown: 495). Таким образом, очевидно суды начинают находить высказывания все более опасным действием.

Заключение

История, изложенная в этой статье - стандартная история группы специальных интересов. Некоторые ученые – гуманитарии определенного политического направления имеют личный экономический интерес в предотвращении некоторых типов высказываний, потому что многие из их идей легко опровержимы и их доходы и статус пострадали бы, если этому опровержению было дано стать достоянием общественности. Они сформировали неявный союз с активистами движения за «гражданские права» потому что многие из идей таких ученых важны для обоснования доктрины «гражданских прав», и таких инструментов политики «гражданских прав», как "несоизмеримое воздействие" и стандарты для обнаружения дискриминации. Ученые, заинтересованные в сохранении возможности «политически некорректных» высказываний оказываются в состоянии защитить свою свободу слова. Но те, у кого интерес к защите свободы высказываний не подкреплен личным экономическим интересом (студенты, работники неакадемических секторов экономики) такой защиты фактически лишены.

Сторонники конституционных прав иногда ведут себя так, как если бы конституционный запрет сам по себе служил бы защитой их прав. Однако в случае Первой Поправки, это - не так. Недавние инициативы левых ученых, иерархов феминизма и движения за «гражданские права», направленные на ограничение

целых направлений высказываний оказались успешными и свобода слова на рабочих местах оказалась без защиты. Конституционные гарантии прав устояли только там, где экономически мотивированная группа специальных интересов потратила реальные ресурсы, для сохранения и защиты этих гарантий.

Примечания

[1] Дэниел Фарбер и Филип Фрикей (Daniel Farber, Phillip Frickey) освещают проблему с помощью инструментария теории общественного выбора, но при этом по существу отклоняют большинство нормативных заключений разделяемых учеными этого направления. Их анализ дела Lochner поучителен. Они указывают на то, что Верховный Суд в этом деле «рассматривал правовое регулирование максимальной продолжительности труда пекарей, превышение которой является нарушением их прав» (Farber and Frickey 1991: 67).

Они не спорят с позицией судей, которая является с их точки зрения правильной. Скорее, они возражают против того, что они понимают как подход теории общественного выбора в деле Lochner, который ведет "к защите свободы контракта по инструментальным причинам, а не, потому что таковая свобода рассматривается как естественно необходимая и важная ценность " (1991: 68). Этим риторическим ухищрением Фарбер и Фрикей пользуются для уклонения от обсуждения преимуществ свободы контрактов.

[2] Эта работа не имеет отношения к защите свободы "коммерческих выступлений", которая была весьма существенно ограничена. (См., например, McChesney 1988; 1991 Рубина.)

[3] Я буду использовать термин "политически корректный" для обозначения полного набора модных интеллектуальных упражнений, таких, как «кодексы речи» или концепции «мультикультурализма».

[4] Публикация Джонатана Рауча (Jonathan Rauch) - особенно полезная работа, поскольку она представляет собой экономическую теорию роста знаний. Автор демонстрирует вредное воздействие политической корректности на возможности увеличения человеческого знания.

[5] Результат был обсужден в "Уолл Стрит джорнал" (1992). Если действующая администрация (Клинтона – прим.) возьмется за это дело со всей энергией, атаки могут быть возобновлены.

[6] В данном случае, проблема вообще сводится к бремени доказательства. Трудно доказать, что некоторая практика, такая как тесты по выявлению способностей – это действительно добросовестная практика оценки профессиональной квалификации. Поэтому если возложить бремя доказательства добросовестности практики испытаний на предпринимателя, многие виды тестов и испытаний не будут использоваться, даже при том, что они проверяют фактическое исполнение работы или связаны с выполнением работы.

[7] Превосходная публикация - сборник докладов физиологов, антропологов и биологов, посвященных обсуждению таких взглядов, было издано

Джеромом Баркоу, Лидой Космидес, и Джоном Туби (Jerome Barkow, Lida Cosmides, John Tooby) в 1992.

[8] Интересно, что Ноам Хомский, один из наиболее ядовитых критиков современного Американского общества, обосновал, как ученый основание для одного мощной атаки на «либеральное» мировоззрение. Хомский показал, что есть биологическое основание для приобретения языка. Пинкер и Блум (Pinker и Bloom, 1992) обсуждают его усилия, чтобы показать, что это биологическое основание не было эволюционно. Конечно, это усилие обречено.

[9] Эта бумага была закончена перед публикацией The Bell Curve (Herrnstein and Murray 1994). Однако, многое из той книги очевидно относится и к приведенным здесь аргументам. Необходимо особо отметить два положения. Сначала, Херрштейн и Мюррей (Herrnstein и Murray) документируют влияние расы на IQ и эффекте IQ на трудовой рыночной производительности, предоставляя поддержку моему аргументу, что расовые различия в доходе являются из-за различий производительности скорее чем дискриминация. Во вторых, порочная антиинтеллектуальная враждебность, с которой книга была встречена «либеральным» сообществом, подтверждает приведенные рассуждения относительно стимула тех, кто будучи не в состоянии парировать аргументы оппонентов.

[10] Это не говорит, что оправдание должно быть правильным, или даже логическим, только что это существует. Сторонники тарифов вынуждены основывать свои аргументы на некоем неформализованном понятии "честная торговля"; они - не способны положиться на голый личный интерес, чтобы оправдать их привилегированную политику.

[11] Например, Kingsley Browne (1992) стала известной одной атакой на «действующую мудрость».

[12] Эта секция основана на Kingsley Browne (1991), который сам сожалеет об изменениях, которые он описывает. С такими представлениями он, кажется, оказывается в меньшинстве среди ученых - правоведов. Например, Lange (1990) предлагает, что речь университетского городка может быть подвергнута цензуре, используя анализ, подобный используемому для речи рабочего места. J.M. Balkin (1990) отмечает, что те же самые аргументы которые ранее использовались, чтобы ослабить свободу контракта могут теперь использоваться, чтобы ослабить Первую Поправку; Сам Balkin поддерживает оба ограничения прав и свобод.

Кавычки при слове «либеральный» вставлены переводчиком во избежание путаницы между современным политическим «либерализмом» (стыдливым коммунизмом) и классическим либерализмом, как политическим, правовым и экономическим учением, основанном на работах Дж.Локка, А.Смита, Ф.Хайека и др.